

Арослава
Корсакова

Ромео

Витни Влог!

Журналистское Расследование

Эри Декрасовой

Ярослава Корсакова Ромео выпил йод!

Серия «Журналистское расследование
Эры Некрасовой», книга 1

<https://litres.ru/74076983>

SelfPub; 2026

Аннотация

В каждой богатой семье свои причуды, но до такого дойдет не каждый!

Эту истину журналистка Эра Некрасова уяснила, когда начальник поручил ей важное дело — написать статью о гибели юной пианистки Янины Чакрацкой. Богемная родня девушки хранит скелеты в шкафах и тайны в комнатах буржуазных дач и квартир и не собирается приоткрывать тёмную завесу. Все новые и новые подробности о жизни и смерти Янины наталкивают молодую журналистку на мысль шальную — всё завязано на хорошо спланированном убийстве. Вскоре погибает приемный брат Янины, он выпивает целый бутылек йода...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	32
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ярослава Корсакова

Ромео выпил йод!

Глава 1

Все имена, фамилии, ситуации, названия мест, сюжетные ходы — все это Авторская фантазия, все совпадения случайны.

— Выражаясь понятными вам словами, Маргариточка Павловна, ночная кукушка всегда дневную перекукует. Да и в принципе так и должно быть, сынок не собственность, дорогая моя, — с самодовольной усмешкой заявила Рада.

Я посмотрела на хорошенькую мордашку Радаславы Хмельницкой и весело улыбнулась, а Маргарита Павловна, наоборот, покраснела и ещё больше насупилась, став похожа на упитанную, крайне недовольную индюшку.

— Да, да! Права ты, Радка! Я вот сыночку-корзиночку ни дня терпеть не готова! — влезла в разговор миловидная ша-тенка Танечка Власова.

Устало откинулась в кресле и с интересом наострила уши в ожидании, когда набожная, целомудренная Костикова выдаст девочкам жёсткую тираду.

Коллеги в разгар рабочего дня схлестнулись в дебатах.

Рада считала правильной точку зрения, что в браке молодые должны жить своим и только своим умом. Никакие маменьки и папеньки не имеют права в это лезть.

Многодетная мать Маргарита же, напротив, утверждала: «Мама для сына должна быть как царь и бог, и никак! Слышите? Никак иначе!»

Свекровь, по её мнению, всегда имеет право научить и проучить невестку, а также правильно позаботиться о взрослом сыночке. Они яростно спорили, и каждая стремилась отстаивать своё мнение и умножить на ноль мнение оппонента.

В итоге конфликтный диалог зашёл в тупик, и Костикова, тяжело вздохнув, пробасила:

— Потерянная вы девица, милая Радослава! Такое имя прекрасное, божье, а позиция по жизни глупая. Обратитесь лучше в веру, помолитесь хорошенько, тогда и поймёте, как для человека семья важна и как сын в любом возрасте и положении должен мать свою любить, а главное уважать!

Грузная, плечистая Маргарита с явно прокуренным голосом и далеко не святым, монастырским прошлым могла напугать одним взглядом. Лично я всегда ёжусь под её внимательным и холодным взглядом исподлбья.

Четыре года уже с большим трудом учусь не отводить взгляд при разговоре. Но хлёткая и открытая Рада совершенно Павловну не боялась, смотрела открыто, с вызовом, говорила прямо.

— Вы обо мне не беспокойтесь. Я уж сама о себе подумаю,

Маргариточка. А мнение менять не буду, потому что знаю, что полностью права. Когда женятся, они строят новую семью, и у меня будет то же самое. Я не позволю мужу бегать к маме и жаловаться! — спокойно заявила Хмельницкая и, не дожидаясь ответа, отвернулась и равнодушно принялась исправлять собственную статью.

Костикова так ничего и не сказала. Недовольно поджав губы, она тяжело махнула рукой и уткнулась взглядом в компьютер, а Таня беспечно принялась листать модный журнал и выбирать очередную сумочку или кофточку.

Я же с тоской уставилась на законченную статью.

Ничего интересного, очередная эпатажная выходка Ана-ра Умерова. Разглядываю снимок, где он нагло высовывает язык с пирсингом и тычет средним пальцем в объектив.

Сморщив захлопываю крышку MacBook.

Во времена, когда я ещё училась в институте, профессия журналиста казалась мне волнующей, манящей, острой почти на грани. Были грёзы о приключениях, репортажах в разных местах, интересных и необычных случаях, была я уверена, что работа будет шокировать и увлекать, но по итогу...

Да, я стала журналисткой и работаю в соответствии со своей профессией, хотя на курсе, со слов преподавателей, всегда была слабым звеном.

Но есть ли в моей работе в редакции, пять дней в неделю с девяти до семнадцати часов, что-то по-настоящему волнующее и увлекательное? Едва ли...

Наша контора пристально смотрит в сторону российского шоу-бизнеса, моя работа буквально складывается из сплетен и раздувания из мухи слона.

Вот вам, кстати, лайфхак опытной журналистки: берёшь самую грязную сплетню из жизни известного в стране человека, пишешь статью с самым ярким и, как это сейчас называется, кликбейтным заголовком — и вуаля! Ваша сенсация готова.

Начальник доволен, премия обеспечена, конечно, обиженным и обделённым остаётся лишь главный герой вашей писанины, но на него можно и внимания не обращать. Подумаешь, ненавидит он госпожу Некрасову...

Мальчик мой, скажу я, дурачась, у меня таких, как ты, уже не один десяток набрался, пф-ф-ф, тоже мне, подумаешь!

Но иногда, как сегодня, в этот дождливый сентябрьский вторник, меня берёт жуткая тоска. На грудь будто заботливо и аккуратно кладут булыжник весом в тридцать килограммов и крепко привязывают его верёвками, а потом ласково мне так говорят: «Ходи так целый день и делай вид, что всё в порядке».

Да смотри, недовольство не высказывай ни жестом, ни взглядом». Одно время я даже твёрдо решила уволиться и попытать счастье на телевидении или в другом журнале, но розовые очки, как известно, бьются стёклами наружу.

На телек пробиться просто не хватит связей, там мой удел — вести православную ерунду на телеканале «Спас». А что

на счёт другой редакции...

Там тоже мало интересного, либо такая же желтуха, либо то, что ещё страшнее для прогрессивной девушки, — работа в захудалом журнале «Сад-огород» или условной «Марии».

Хотя моя институтская приятельница Клара Кабанова заняла-таки горячее местечко в журнале Vogue в своё время.

Завидую ли я ей? Лишь самую малость.

У меня скучнейшая работа, ещё бы, ведь я веду колонку в такой интеллигентной желтухе под весьма романтичным и, я бы даже сказала, поэтическим названием, но я счастлива в браке вот уже пятый год, а от дорогой Кларочки недавно муж ушёл к любовнице, едва окончившей школу...

— Анатолевич ожидает тебя в кабинете через минуту. Беги срочно! У него какое-то важное дело, он весь как на иголках... — пробегая мимо моего стола, нервно шепнула секретарша Полтавцева, загорелая, голубоглазая блондинка Стася Морозова.

Её острые красные шпильки мирно постукивали по новенькому паркету, одной рукой она быстро оправила чёрную юбку-клёш, а другой крепко прижимала папку с отчётами и, судя по всему, очень спешила в бухгалтерию.

Я встала и с некоторой опаской направилась в кабинет шефа.

Тарас Анатолевич стоял и глядел в окно, заложив руки за спиной. Услышав мои шаги и скрип дверных петель, он не

глядя велел мне сесть, а сам, развернувшись, тут же плюхнулся в кожаное кресло напротив.

— Новости уже видала? — спросил начальник без прелюдий, в духе «Здравствуй, и как твои дела».

Глава 2

Его выцветшие голубые глаза смотрели на меня со всей усталостью мира, а грозные чёрные брови были сведены, образуя неприятную, глубокую складку на переносице. Полтавцеву пятьдесят два года. Совсем ещё не старик. Крепкому, рослому и умному мужчине со всей его житейской мудростью удивительно не везло ни в личной жизни, ни в работе.

Он начал с самых низов журналистики. Окончил школу с золотой медалью, институт с красным дипломом. В девятые годы работал ассистентом на телевидении, в нулевые вёл не шибко популярную программу, где, на удачу, его заметили и пригласили на работу намного выше и крупнее.

Тарас стал политическим журналистом. У него, как у человека образованного, был всего один недостаток. Недостаток, который в конечном счёте и разрушил всю его жизнь, рассчитанную на годы вперёд...

На работе скверный характер звезды терпели много лет, потому что специалист отличный, но потом терпение резко лопнуло у всех. Уволили с волчьим билетом, и ни один канал не готов был принимать выпивоху со скандальным прошлым.

Жена тоже подлила масла в огонь, когда подала на развод и забрала дочь. Тогда у мужчины наступили совсем тёмные времена, и так бы он и спился, если бы не одна роковая

встреча.

Встреча с самой судьбой-матушкой, как называл это сам Полтавцев. В ресторане, вусмерть пьяный, Тарас встретил свою вторую жену — Элеонору. Она же кокетливо называла себя Нелей, а для него она стала всем: женой, любовницей, музой и главной мечтой.

Он решительно собирался бросить к ногам молодой нимфы весь мир. Окрылённый целью, открыл редакцию, решил выпускать журнал. Мечтал о крупном заработке, о славе, грезил, что будет выпускать что-то по-настоящему увлекательное.

Даже детище своё назвал в честь возлюбленной коротко, но не совсем ясно — Нель.

Вот только юной и корыстной Элеоноре хотелось совсем другого. Поначалу её сердце металось, и она честно хотела завязать со своим хобби, а такое увлечение, даже сейчас, в век прогрессивного мышления, вызывает у многих отторжение, осуждение и непонимание.

Сейчас, кстати, в обществе принято называть это более лояльно, чем прежде, — эскорт.

И я совсем не обвиняю Нелю, напротив, спрос рождает предложение, и это ясно, понятно и старо как мир. Некоторые девочки идут на такой шаг от отчаяния, другие — от жажды лёгких денег.

Но, как бы ни было прискорбно признавать, все мы делаем очень важный выбор, который в дальнейшем и определяет

нашу жизнь.

Женщина, которая терпит мужа-тирана ради сохранения семьи и чтобы только у детей был отец, или вчерашняя школьница, продающая своё тело в Москва-Сити.

И не важно, что в случае девушки она навсегда останется падшей женщиной и никакой клиент-миллионер не сделает своей женой — сахарные мечты рассыплются в прах.

А в случае бедной женщины всегда хочется спросить:

А точно ли дети будут благодарны за присутствие такого папаши в их жизни? И не понадобится ли им серьёзная помощь психотерапевта в дальнейшем?

Тут, думаю, ответ вполне очевиден.

Элеонора пыталась, но холодный расчёт в очередной раз в её жизни победил глупые чувства. Она бросила Полтавцева резко и подло. Сбежала в ночи, ограничившись до боли неприятной запиской:

«Прощай и, наверное, прости, но жить в грязи и нищете — не мой уровень».

Это был удар.

Жестокий и очень болезненный, но, на удивление, не подкосивший Тараса Анатольевича, наоборот, очередная жизненная неудача придала ему сил.

Он развёлся, оставив на память только свой журнал, закодировался, наладил общение с дочерью, но так и остался бесконечно одиноким, даже кошку себе и то не завёл. Боялся привязаться и снова потерять...

С работой тоже всё складывалось абы как. Стремление писать что-то оригинальное и самобытное давно уступило место хайпу, сплетням и грязному вранью.

— Ну, видела или не видела? — потерял терпение начальник, и я, махнув головой, выудила из себя неуверенно:

— Нет. А что стряслось-то? Неприятности у нас?

Полтавцев усмехнулся, сцепил пальцы в замок и мрачно, с издёвкой ответил:

— Не у нас, но нам предоставили отличный повод для разгромной статьи, дело как раз по тебе.

— По мне? — удивлённо переспросила я.

В животе неприятно закопошились закрадывающиеся догадки и липкие сомнения, и, будучи дамой без тормозов, если, конечно, только на меня нахлынул стресс, я нетерпеливо выпалила следующее:

— С Умеровым что-то приключилось? Неужели в аварию угодил на своём байке?

В это время Анатолевич уже отхлебнул воды из бутылки, но, услышав моё взволнованное предположение, подавился и громко закашлялся. Натужно захрипел, будто бы едва оправившись, вскочил с места и принялся ходить взад-вперёд по кабинету.

— Какой Умеров, Некрасова? Что у тебя в голове, мартышки, что ли, скачут по деревьям и бананы лениво жуют? Голова совсем не варит? При чём тут твой эмо, или как его там, панк для малолеток, а? — всплеснул он рассерженно

мощными ручищами.

Я было хотела обидеться и возразить, что никакие обезьяны у меня не скачут, всё у меня варит как надо.

Я интеллигентная девушка, коренная ярославна в четвёртом поколении, между прочим, и вообще какое он имеет право разговаривать со мной в таком тоне?

Куда это делось рабочее вежливое отношение, о котором он так старательно пел на собеседовании?

Но потом память мне заботливо подкинула напоминание о том, что я работаю на Полтавцева уже четвёртый год и прекрасно знаю, какой он в общении.

Неподготовленной фиалке и впрямь мужчина может показаться грубым, жестоким и заносчивым типом, но на самом деле хамоватые манеры, когда он выходит из себя, кардинально различаются с его характером после многолетней терапии и работы с психологом.

Он умеет быть и добрым, и понимающим, а ещё он человек невероятной щедрости. Даже взять недавний случай, когда он без всяких проблем отпустил Ниночку Александровну из бухгалтерии в отпуск.

Несколько месяцев подряд исправно платил ей зарплату, плюс ещё премию выплачивал из своего кармана, и всё это из-за того, что у Ниды мать разбил инсульт, срочно нужны были деньги и круглосуточный уход.

Потом, конечно, Стеша нашла хорошую сиделку, и мама

у неё, слава богу, на поправку пошла, но забыть и не принимать во внимание такой широкий жест начальника невозможно.

И таких случаев лично на моей памяти чертова пропасть наберётся. Начнёшь пересказывать — не перескажешь за один день всё, что сделал и не дал сделать Тарас Анатольевич.

Маргарите Павловне он помог починить крышу в доме, построил новую баню с её сыновьями, когда мужа Марго скрутил жуткий радикулит. Нашей острой на язык, жгучей, как соус табаско, Раде он лично подарил путёвку в Грецию со словами:

— Я тебе уже отпуск на следующий месяц поставил. Поезжай отдохни, а то устали мы от тебя, лапушка! Ох, как устали!

Танюше помог отделяться от властного, абьюзивного бойфренда Владика. Владиком был тщедушный паренёк, которому едва перевалило за двадцать с чем-то там.

Человек, возомнивший себя гуру в IT-сфере и, обладая большим-большим самомнением, считал, что крупные компании его совершенно недостойны, поэтому работу не искал. Любил выпить сладкой жижи, закурить приторный вейп и поиграть в компьютер, что заботливо приобрела ему в рассрочку любящая Таня.

С огромной манией величия и такими загонами насчёт длины юбки своей суженой, которым позавидовал бы даже

самый отпетый ревнивец, он два года поласкал наивные, малодушные мозги Власовой, а потом ударил...

Глава 3

Вот так вот просто!

Схватил за горло и поставил сочный фингал под правый глаз. А потом ещё и, довольно улыбаясь, грозил рыдающей девушке кулаком и обещал, что теперь-то она всегда у него ходить с синяками станет, потому что он будет её по-мужски учить уму-разуму. Тогда Полтавцев лично поехал к Тане домой, начистил морду этому существу, которого даже особью мужского пола и то ошибочно будет признавать. Выкинул вещи мерзавца, спустил с лестницы. А визг какой стоял!

— Не бейте, только не по лицу! Больше не буду! Отпустите, умоляю...

Что и требовалось доказать!

Подлец был слаб и телом, и духом, чтобы хоть кончиком мизинца прикоснуться к мужчине, а беззащитную девушку обидеть — это пожалуйста. Как говорится, с превеликой радостью, мерзость. Власова потом рассказывала эту историю так, будто она произошла вовсе не с ней.

Но по нервной улыбке, натужному смеху и постоянному заламыванию пальцев не могло не считываться, и все понимали, что на милой Танечке эти отношения оставили самый что ни на есть грубый, неизгладимый след. Босс лично отвёл её в полицию тогда, буквально заставил написать заявление и снять побои.

С начальником местного РОВД он был, как это называется, на короткой ноге: они вместе ездили на рыбалку и в турпоходы по горам, и благодаря такому своеобразному приязнательству Владика всё-таки удалось посадить.

Сейчас он где-то в Норильске, отбывает срок в колонии общего режима, и я очень надеюсь, что такой сволочи, как он, там ой как несладко спать. Теперь вы понимаете, почему я не взорвалась ответной тирадой?

Пожала плечами, спокойно пояснила причины своей резкой озабоченности чужой судьбой:

— Умеров — главная звезда моей колонки вот уже как целый год, Тарас Анатольевич. Вы сказали о разгромной статье, которая как раз по мне. Вот я и подумала о...

— Не о том ты думаешь, ягодка моя! — перебил начальник. — Я бы на месте твоего Романа задумался, почему жену постоянно заботит другой мужик...

Мои недовольно искривившиеся губы и напускной тяжёлый вздох он нарочито пропустил мимо ушей и глаз. Грузные плечи выпрямились, он вздохнул полной грудью, и голос, обращённый ко мне, заметно потеплел. Полтавцев сел в кресло и закурил свои удушливые captain black madagascar vanilla aroma.

От табака и ванили тошнота подкатила к горлу, и меня уже не просто распирало от любопытства, а буквально разрывало от нетерпения.

К этому чувству ещё прибавилось раздражение, и стало

очень дурно. И хвала Всевышнему! И пусть я и не особо верю в Бога и не принадлежу к какой-либо религии, но сейчас благодарю всех, кого могла, и даже неведанные высшие силы, которых отродясь не знала.

Шеф решил на помилование и пустился в обстоятельный рассказ о происшествии, которое заинтересовало его до печёночных коликов.

В субботу вечером на выступлении в филармонии стало плохо известной, талантливой пианистке Янине Чакрацкой. У девушки сильно заболел живот, но от скорой она отказалась и просто отправилась домой. Все, включая юную звезду, думали, что это банальная ротавирусная инфекция, но Яна зашла в парадную и... скончалась возле лифта.

Янина была известна не только своим редким музыкальным талантом, но ещё и семьёй. Её отец, Михаил Валентинович, — очень значимая в городе личность, бизнесмен. Совладелец популярной сети кофеен под названием «Чак и Кот».

Это и правда очень популярный многолетний бренд. Кофейни есть не только в Ярославле, но и в Москве, Санкт-Петербурге, Новгороде и даже в Челябинске.

Первое кофе-кафе Михаил со своим другом Александром Котовым открыли ещё в начале нулевых. Мать — не настолько известная личность, но её профессия тесно связана с миром богатства, роскоши и невиданных простым мечтательным обывателям баснословных сумм, которые измеряются в

основном в тысячах и миллионах долларов.

Юнона Чакрацкая — искусствовед и входит в десятку лучших экспертов страны. Ещё важно будет отметить, что мэр города — давний и очень близкий приятель Михаила Валентиновича, поэтому прессу так и взбудоражило это печальное происшествие.

— Сейчас все хотят заполучить эксклюзив — интервью Чакрацких, но на публику они, понятное дело, не выходят, засели дома. Поэтому поезжай к ним на адрес и...

— Окститесь, Тарас Анатольевич! Мне серьёзно нужно именно сейчас беспокоить убитых горем родителей?

Жестокосердный циник внутри меня усердно боролся с моей чистой незапятнанной совестью, но я не могла позволить себе опуститься до громогласных, бестактных турецких журналистов. Вы вообще видели, с каким остервенением они преследуют кумиров своей страны, телезвёзд, актёров? А бесконечное нарушение личных границ и вторжение в частную собственность путём фотографии?

У нас с этим тоже не сладко, но там, судя по новостным пабликам, ситуация повальная — сплошь и рядом. Всегда и везде. В торговом центре, на дороге, у машины и в большинстве своём нагло и без стеснения игнорируя все необходимые нормы приличия.

Полтавцев недовольно поморщился и расстроено махнул рукой:

— Знаю, знаю, что приказываю тебе поступить не по-че-

ловечески. Но ты журналистка, мать его, а не продавщица в цветочной лавке, которая не желает втюхивать вялые розы за бешеную стоимость пьяному мужику, очнись, девочка! У нас бешеная конкуренция, и в этих бетонных джунглях либо ты, либо тебя. Мне нужна эта статья! Не будет у нас этого материала, другая желтуха возьмёт это злосчастное интервью, а нам надо выпустить хоть одну бомбу в стиле принцессы Дианы, а то всё одни сплетни и хиханьки да хаханьки...

— К чему тут принцесса Диана? — спросила я тихо, почти шёпотом.

Начальник снова закурил, голова его нервно дёрнулась, и мужчина смачно выругался, когда зажжённая спичка обожгла шершавые натруженные пальцы.

— Да пёс его знает! Я и сам-то не знаю, наверное, потому что семья у пианистки почти королевская. Вот и выходит не больше и не меньше — российская версия британской трагедии... — хмуро изрёк Полтавцев и аккуратно стряхнул пепел в свою облюбовленную мраморную пепельницу в виде реалистичного слона с клыками — подарок дочери на юбилей.

Мне вдруг подумалось, что сигарета в какой-то степени — это отражение жизни человеческой.

Раз — жизнь, а два — уже смерть, и в лучшем случае от нас всех останется только пепел, и то если в принципе что-то да останется...

Вот и Янина Чакрацкая как та дорогая сигара, которую за-

курили, но резко передумали и затушили, придавив ботинком и стоптав в отвратительный окурок, что так и останется лежать на грязном тротуаре, пока одним ранним утром его не сметёт дворник и не отправит в мусорный бак к другим таким же окуркам.

У неё была жизнь.

Молодость, талант и достаток, а после... Ведь ничего с собой на тот свет не заберёшь, не утащишь в карманах папины рубли и доллары, не заберёшь пианино с нотами, и бессмысленными станут мамины нотации... И метафора о том свете мне лично всегда казалась бессмысленной, непонятной.

Кому доподлинно известно, что там, кроме пустоты?

Одно только известно абсолютно всем — жизнь есть начало, а смерть есть конец и точка.

Глава 4

Я приехала на улицу Свободы ближе к обеду.

Стоило мне сказать охране «по делу к Чакрацким», как охранник мигом сменил хмурую мину на вежливую незаинтересованную улыбку и без дальнейших расспросов пропустил на территорию жилого комплекса.

Подобное удивило меня и заставило поразмышлять на тему: а что это, собственно, было? И не ожидает ли семейство другое издание?

Неужели кто-то всё-таки пробил панцирь траура и сумел договориться о паре слов для газеты или журнала? Чьё место заняла и не придёт ли время серьёзно отвечать?

Дверь мне открыл мужчина в годах. С залысынами, седыми прядями и в помятой пиджачной паре. Стало быть, это был сам хозяин — Михаил Чакрацкий.

— Здравствуйте, — промямлила я, без конца переминаясь с ноги на ногу.

Михаил окинул меня безразличным взглядом, и я сразу, по методу Полтавцева, постаралась запомнить каждую деталь в его образе.

Жесты, мимику, манеру общения, состояние.

Чтобы легче было понять, я представила главу семейства персонажем художественного романа, а себя — рассказчиком, который должен изложить все события с присущей ре-

ализму дотошностью.

Так вот...

Мужчина бегло обвёл меня взглядом.

У него были квадратные очки в массивной серебряной оправе с толстыми линзами, что говорило о явных проблемах со зрением. Его лицо было серым, пугающего землистого цвета, а обескровленные губы сжаты в непрерывную линию.

Последнее, на что я обратила внимание, были две интересные детали: хорошо поставленный дикторский, но абсолютно спокойный голос и оторванный с мясом воротничок рубашки.

— Добрый день. Вы, стало быть, Алиса из «Облачной Арфы»? Прошу, проходите внутрь, не стойте на пороге...

Квартира Чакрацких представляла собой что-то среднее между «ух, богатеи, жирно живут!» и в то же время — для тех, кто ворочает такими деньгами, даже скромно существуют.

Переступив порог, я попала в просторную, но тёмную, богато обставленную прихожую. Стояли бесконечные вазы с цветами: удушливые розы, сводящие аллергиков с ума лилии и орхидеи.

Огромное зеркало в металлической позолоченной раме, журнальный столик, где небрежно были свалены журналы: «Искусство», «Художник», «Русская галерея. XXI век», «Декоративное искусство СНГ», «Третьяковская галерея»

— и несколько связок ключей с различными брелоками.

Ключница же в виде копии картины Густава Климта «Поцелуй» напротив висела пустой. На полу стояли небольшие бюсты Венеры Милосской и Артемиды.

Возле ваз крутился шикарный сибирский кот с длинным хвостом и густой рыжей шерстью. Домашний хищник нюхал бесчисленные букеты и беспрестанно смешно чихал, пока из глубин квартиры хриплый женский голос громогласно не вскричал:

— Илюша, ко мне, живо!

И кот неожиданно, поджав уши, в ту же секунду бегом, словно надрессированная годами овчарка, откликнулся на зов... хозяйки?

— Прошу вас, драгоценная, снимайте пальто и идите за мной, в гостиную, — холодным голосом велел Михаил.

Я послушалась, хотя и было дико неловко. Ощущение не из приятных: якобы хочу залезть в открытую, мокрую от крови рану и специально делаю так, чтобы она нагноилась и образовался огромный, болезненный нарыв...

С другой стороны, жаловалась на скучную работу: одни сплетни и сплошное раздувание.

А сейчас мне не нравится настоящая журналистика?

Будь со мной рядом Полтавцев, он бы наорал на меня, а потом сжал бы мои плечи и произнёс вдохновляющую речь, обязательно добавив, что поистине настоящая работа журналиста — это грязная работа, и мы в этой профессии всего

лишь лицедеи, и наша роль простая — писать хорошие тексты, получать причитающиеся нам деньги и развлекать публику.

Вот и всё, так просто...

Но неужели к этому возможно привыкнуть? И через какой-нибудь годик-другой я буду без стеснения, мучившей меня совести и потных ладоней входить в доверие, представляясь другим человеком, лгать и сочувственно улыбаться? И это всё ради информации, успешного материала для редакции?

В данный момент я совсем не знала ответа и твёрдо решила спросить себя после подъёма карьеры со дна глубокого Байкала.

Сжав дрожащие ладони в кулаки и натянув вежливую улыбку, твёрдая, решительная и беспринципная девушка, которую я и не подозревала в себе, прошла в украшенную золотом и серебром гостиную комнату.

Там меня ждала семья в полном составе — отец, мать и сын.

Юнона, женщина приятной внешности, раскинулась на диване в расшитом красном халате, на коленях у неё мирно спал тот самый кот, а она почёсывала ему холку, ушки и спинку ногтями с явно свежесделанным маникюром.

Когда я гуглила биографию дамы, то несказанно удивилась цифрам в графе «возраст» — пятьдесят три года.

На фотографиях ей можно было дать максимум сорок лет.

Но скептицизм в какой-то момент победил.

Adobe Photoshop, в конце концов, в наше время творит чудеса даже с самым безнадежным лицом, убирая любые морщины, складки и зажигая усталый, стареющий взгляд.

Сейчас передо мной сидела ослепительная, почти юная копия Анны Павловой с бледно-розовыми волосами. Не больше тридцати с хвостиком.

Одним словом, молодая, цветущая нимфа, здоровая и розовощёкая, в отличие от её дочери — бледной покойницы.

— Ну и что вы застыли? Проблемы со слухом? Уши почистить забыли? Присаживайтесь в кресло вон там и побыстрее.

У госпожи Чакрацкой был на редкость грубый и режущий по струнам моих нервов голосок. Для такой утончённой внешности это был настоящий нонсенс.

Я торопливо расплылась в извинениях и присела куда велено. Приторно улыбаясь, выслушала все пожелания «клиентов».

— Гроб обязательно нужен закрытый, — заявила Юнона, но рядом стоявший муж простонал:

— Юна, пожалуйста! Только без твоих выкрутасов!

— Не смей называть мои желания выкрутасами! — со злостью выкрикнула женщина, прижимая бедного Илюшу к ногам. — Я просто хочу, чтобы мою девочку запомнили не уродкой!

Я насторожилась. Мой любопытный прищуренный взгляд заметил только сын Чакрацких, который тенью стоял в углу. Высокий, коротко стриженный парень с развитой мускулатурой.

Устремил на меня нелюдимые, сухие и покрасневшие голубые глаза и в другую же секунду безучастно отвёл их.

Он был призраком. И ни умом, ни сердцем не находился в комнате и, в принципе, судя по виду, не желал участвовать в выборе ящика для погребения почившей родственницы.

— Лицо серьёзно повреждено? У нас есть разные модели, и я могу предложить вам... — я мастерски дёрнула за ниточку, и глава семейства взвился словно ужаленный.

Подскочил и, размахивая руками, брызжа слюной, принялся разубеждать меня и объяснять, что не надо им никаких особых моделей и в особенности закрытых.

— Она умерла! Просто умерла, понимаете вы или нет?! На неё не нападали с ножом, её не сбивала машина, и погибла моя дочь не в авиакатастрофе... Нам нужен просто гроб. Скромный чёртов ящик!

— Нет, нам нужен именно закрытый, девушка! Смерть плохо сказалась на Яночке... — громко зарыдала Юнона, которая ещё минуту назад была титанически спокойна.

— Она такая некрасивая, такая бледная, ужасная, уродливая... С перекошенным, вздутым лицом, с синяками, кошмар! Скажи, Гена, скажи отцу! Ты видел её, видел, какая твоя сестра стала...

Плакала Юнона, пока грохот наконец-то не заткнул ей рот.

Скажу честно, я не люблю судить, а тем более осуждать людей.

У каждого своя реакция, будь то радость или горе. Тем более неправильно ожидать сдержанности, когда происходит настолько печальное событие. Ведь всем доподлинно известно: родители не должны хоронить детей своих.

Не должны, и всё тут!

Но слёзы Юноны Чакрацкой отдавали ужасной театральнойщиной, и, судя по реакции семьи, женщины, эта скорбь и выражение чувств от горькой утраты казались цирком не только мне.

Ужасный треск прервал страдания: ваза с шумом встретила с паркетом, и разноцветные осколки хрусталя разлетелись по комнате.

— Она мне не сестра! НЕ СЕСТРА! — взревел Гена.

Юнона всхлипнула и принялась вытирать лицо платком, а я проводила крепкую спину взбешённого парня взглядом. Михаил досадливо закричал, шагнул навстречу и, нависая, настойчиво пропел:

— Алиночка, Милочка! Прошу вас, давайте оформим всё быстренько и пойдёте? Вы же видите, в каком мы подвешенном состоянии, очень горько...

— Нам нужен закрытый гроб, материал обязательно вишнёвый дуб, и да, Янсюю мы будем хранить как принцессу 50-

х. Платье белое, лёгкая вуаль и перчатки с прекрасными кремовыми туфельками, ещё и локоны хорошо бы завить и макияж сделать... — вставила серьёзные десять копеек Юнона.

Это позволило мне точно оценить эту даму и её психологическое состояние.

Пришло осознание, что либо мать сходит с ума от потери дочери — шарики за ролики, крыша едет, дом не стоит, и всё такое, — либо женщина уж очень помешана на внешнем виде.

И то, как выглядит лицо дочери, ей важнее того факта, что Янина как бы мертва и неважно, какой её увидят в гробу другие люди, в основном те, которых покойная даже в лицо не знала.

Абсурд следовал за абсурдом.

Гроб закрытый, но макияж и фата зачем-то нужны?

На кой чёрт?

У Михаила зазвонил телефон. На рингтоне стояла непривычная для мужчины его возраста лирическая композиция на стихи А. Ахматовой. Юный голос, похоже, девочки-подростка, запел из динамиков неожиданно прекрасно и ровно:

Между клёнов шёпот осенний

Попросил: «Со мною умри!»

Я обманут моей унылой, переменчивой злой судьбой.

Я ответила: «Милый, милый!

И я тоже умру с тобой...»

— Простите, одну секунду... — Михаил стушевался и вышел в коридор.

Я тщетно пыталась подслушать чужую беседу, но слух улавливал сначала спокойную речь, а потом уже раздражённые обрывки фраз: «показала удостоверение», «паспорт», «мошенница», «пресса», «тварь»...

Глава 5

В моё тело будто воткнули три десятка или даже несколько сотен, не меньше, игл. Пальцы на руках онемели, и меня пробрало от холода и ужаса неминуемой расплаты, стоило лишь посмотреть в глаза вернувшегося Чакрацкого.

Ни о каком спокойствии и тихой гавани горя больше и речи не шло. Взгляд Михаила метал молнии, а лицо настолько покраснелось, что я даже испугалась, не хватит ли его паралич.

— Ну, что там, Миша, кто звонил? Выглядишь неважно, — расслабленно бросила Юнона, запахивая полы халата. Но Миша не повернул к жене головы.

Он глядел на меня, прежде чем тихо поинтересоваться, а ещё констатировать факты:

— Вас зовут вовсе не Алиса, и вы не из похоронного бюро. Так кто вы? Пресса, не так ли? Журналистка из этой мерзкой желтухи? Ваш главный Мартынов звонил мне, просил об интервью. Буквально клянчил, но чтобы вот так вот нагло действовать? Немедленно убирайтесь и знайте, что я подам жалобу в прокуратуру! И не только на ваше жалкое издание, но и на вас в частности, госпожа Березина.

— Журналистка? Ах ты ж дрянь бессовестная, сука!! — Юнона довольно бойко вскочила с дивана и кинулась ко мне с одним лишь желанием, которое так явно читалось на пере-

косившемся лице.

Но, к счастью, её перехватил муж.

— Простите меня... Прошу простите... Я виновата... Я не хотела так... — бормотала я хаотичные извинения, заливаясь краской и, умирая со стыда, буквально желала провалиться под землю и исчезнуть навсегда, только бы не видеть их глаза, полные осуждения и праведного гнева.

— Тварь мелкая! Я тебя убью, слышишь? Какое право ты имела, сволочь? Приходить сюда, расспрашивать, вынюхивать? Крыса! Сучка поганая... — кричала Чакрацкая в диком, неистовом припадке, извиваясь в мужских руках.

Я отшатнулась, а Михаил прикрикнул напоследок:

— Да убирайтесь вы уже! Хватит с нас ваших издевательств!

Не стану подробно описывать всё, что испытала на своём первом серьёзном задании, и также мне очень не хочется расписывать все те нецензурные эпитеты, которыми меня заботливо наградила ослепительная Юнона Чакрацкая.

Поэтому остановимся на том, что я вышла из квартиры.

На лестничной клетке стоял ужасный холод. Кто-то открыл окно настежь, и этого неизвестного любителя свежего воздуха совсем не смутил осенний ветер, гнувший деревья, и гадкая дождливая погода.

Лето было аномально жарким. В середине сентября, наоборот, установились стабильные минус десять по Цельсию, а на прошлой неделе даже выпадал снег.

Мысленно обругав всех и вся в собственных неудачах, я поёжилась. Было зябко, замёрзли кончики ушей и нос.

Набрала быстрое сообщение Полтавцеву:

«Всё прошло плохо, сейчас же еду в редакцию»

Ответ пришёл незамедлительно. Представила, как начальник сидел в томительном ожидании, при этом нервно дёргал ногами и много-много курил, заливая в себя литры любимого чёрного цейлонского с лимоном.

«Плохо? Насколько плохо? Жду подробности, ягодка (игривый смайлик)».

Покривилась.

Полтавцев — отличный босс, хоть и малость самодур, прекрасный, тёплый и отзывчивый мужчина, но вот его чувство юмора... Иногда конкретно раздражает. Он всегда пытается разрядить обстановку — выходит дурно, не стану оправдывать шефа на этот раз.

После этого смайлика захотелось серьёзно отключить мобильный и поехать домой. Принять горячую ванну и открыть большую пачку чипсов, что я ухватила по акции ещё пару недель тому назад...

Мысль о еде взбодрила дремавший желудок, и он тут же начал издавать требовательное урчание.

Образ моей уютной трёшки был так сладок, что я пожалела о том, что являюсь честной, благонадёжной и крайне исполнительницей, а не эгоистичной дамой, которая только и делает, что листает соцсети и летает в облаках...

Вместо того чтобы послать начальство в пешее эротическое, я послушно набрала:

«Они подумали, что я сотрудница похоронного бюро. Но правда вскрылась, и меня выставили вон со скандалом. Ничего особо и не узнала. Родители Янины явно переживают потерю очень болезненно, а на их сына и вовсе страшно смотреть...»

«С соседями поговорила? Обязательно отъищи какую-нибудь старушку и присядь ей на уши. Или наоборот. Короче, сделай так, чтобы она рассказала тебе всё. Соседи знают все секреты, сплетни и давно прознали про грязные, пыльные скелеты в шкафу. Давай держись там, котик.

«Люблю и целую. Т. А.»

Закрывает сообщение и спрятала телефон обратно в сумку.

Люблю и целую лично у Полтавцева означало: разговор окончен и больше не пиши, а лучше займись делом. Но как мне было им заняться?

Я решительно этого не понимала. Ходить по квартирам и настойчиво стучаться в двери, лелея слепую надежду найти ту самую разговорчивую бабку, готовую промыть известной семейке кости, было бы унижительно. Поэтому приняла непростое решение — послушаться указаний.

Конечно, я осознавала, что по шапке мне за такое прилетит нехило, но со своей гордостью справиться не могла. Правду говорила мне моя свекровь: «Такие гордые в журнальщики не идут, а ты сдуру рехнулась и пошла...»

Но неожиданно всё повернулось на сто восемьдесят градусов.

Входная дверь напротив, весьма потрёпанная, из кожзама, распахнулась, и оттуда высунулась голова в кружевном чепчике.

Глава 6

Старушка лет за семьдесят на вид, с огромными аквариновыми глазищами на сморщенном, как перезрелый изюм, лице, поднесла к губам палец, а второй рукой тихонечко подозвала меня к себе.

— Идите сюда! Идите скорее, милочка... — прошептала она, и я, не веря в свою удачу, медленно шагнула по направлению к бабушке в странном для нашего времени головном уборе.

— Здравствуйте, меня зовут Эра Некрасова, и не могли бы вы...

— Тише ты, голосистая птица Эра! — шикнула на меня бабулька, по всей видимости, одуванчик божий, и глянула так, что я мигом почувствовала себя без вины виноватой.

Воровато оглядевшись, женщина, не теряя времени, цепко ухватила меня за руку и, приговаривая:

— Журналистка, значит? Ох, как хорошо... Давно пора этих буржуев проклятых на чистую воду... Грешники, загубили девчоночку-красавицу... Ох, и посадить же их мало, иродов... — втянула в своё жилище.

В маленькой прихожей пахло хлоркой и пирожками. На стенах висели картины: «Грачи прилетели», «Итальянский полдень», «Встреча», «Пасхальный день», «Алёнушка»... (конечно же, копии).

И опять я была в удивлении.

Неужели все в этом доме такие поклонники живописи? И не абы какой, а классической. В каком-то роде даже классической.

Либо мне так повезло, либо я и правда попала в творческий дом, и в какую бы квартиру я ни захотела зайти, какую семью бы ни довелось мне увидеть, у них всегда будет полно картин.

Например, мой муж — очень обеспеченный человек, и тут нужно подчеркнуть слово «очень» дважды, — но картина у нас всего одна. Рома привёз копию «Крика» Эдварда Мунка в прошлом году, когда ездил в Норвегию в командировку.

Ему показалось забавным повесить её не в коридоре, а в нашей спальне. Но мне постоянно снились кошмары из-за этой шедевральной репродукции, и после длительной ругани и даже битья сервиза его мамочки муж всё-таки понял, в чём была его ошибка, и перевесил картину в прихожую.

И ладно Чакрацкие.

У богатых, как говорится, свои причуды — бесконечные букеты, вазы эпохи Возрождения и дорогая мебель...

Другое дело — одинокие старушки, но старушки умеют удивлять. Вот и моя бабулька, «белый платочек», увидав в моей скромной персоне заинтересованное лицо, вцепилась в меня, как мурена в морского ежа, и не намерена была отпускать, пока полностью не облегчит душу.

Мы прошли с нею в светлую кухоньку, оформленную в

кремовых тонах с красивыми лимонными шторами из шёлка.

— Ну, проходи, садись, Эра. Какое, однако, имя тебе родители подобрали... Чудно, чудно... А меня по-простому кличут Полиной Аркадьевной, но можно и проще, по-домашнему — Баба Поля.

Продолжая суетливо говорить, Баба Поля придвинула ко мне огромный поднос с румяными, ещё тёплыми пирожками и разлила по чашкам чай с чабрецом и малиной.

Выпечка на вкус оказалась божественной, или, как сказал бы мой менее художественный Ромка, — пироги просто офигенные. Особенно мой желудок был рад мясным и картофельным начинкам, а на десерт были шикарные самодельные пончики с творогом и грушей.

— Спасибо, Полина Аркадьевна, всё было вкусно, — улыбаясь, я отодвинула свою тарелку и шутливо бросила:

— Но после вашей еды боюсь, на мне не сойдутся ни одни джинсы...

Полина Аркадьевна смущённо прыснула в сухую пигментированную ладошку и, зардевшись от удовольствия, принялась меня крестить.

— Свят, свят с тобою, милая! Ты же тощая, как эти все модели-шмадели в этом телевизоре! Кожа и косточки, а мяса ни грамма! Как так можно? Кушай, кушай, дорогая. Поди, и мужичонка у тебя есть?

— Есть, и он мой муж, — коротко киваю.

— Ну вот, — деловито зацокала языком старушка. — Мужу же надо за что-то держаться там и там... сморщенными пальцами она очертила женскую фигуру, в основном бёдра и грудь.

Мне стало смешно и неприятно.

Не представляете, сколько я выслушала издёвок, насмешек и оскорблений, которые переходят все границы, из-за фигуры за всю мою жизнь. Дорогие девчонки, которые подвергались буллингу из-за лишних килограммов, я искренне с вами.

Поддерживаю вас изо всех сил и крепко обнимаю, но худые и высокие люди тоже подвержены травле не меньше вашего.

Всё ещё помню те унижения и едкие комментарии одноклассников — гладильная доска, червь, плоскодонка, гвоздь...

Апогеем школьного безумия стала до боли обидная речь биологички — Ольги Натановны в старших классах.

Она вызвала меня и мою одноклассницу Светку Козлову и стала объяснять анатомию, строение женского тела классу, тыкая в нас деревянной указкой. Одноклассники покатывались со смеху от слов: молочные железы, влагалище, матка, яичники...

Она долго тыкала в Свету указкой, чертила в воздухе, объясняла и приводила примеры, отвлекаясь только на то, чтобы яростно прошипеть: «Закрыли, черти, рты!»

И вся лекция была про Козлову, не про меня. Я же в тот момент неловко переминалась с ноги на ногу и сутулилась, чтобы казаться ниже, чем есть на самом деле.

От этой дурацкой привычки, что испортила мне спину и помогла заработать сколиоз, я, к слову, успешно избавилась.

Теперь с гордостью хожу, выпрямившись и задрав голову, и не стесняюсь на вопрос «Какой у тебя рост?» важно произносить: «Сто семьдесят пять». Так вот, когда дело дошло до меня, милейшая и очень тактичная Ольга Натановна спустила свои старомодные очки на нос и, тяжело вздохнув, махнула на меня пухлой рученькой, обращаясь к ребятам:

— Ну а про Некрасову говорить не будем плохо. Тут ни сиськи, ни писки, к сожалению. Прямо можно сказать, с какой модели рисовали стандарт эскиза для одежды...

Помню, какой липкий и неприятный стыд обуял меня тогда, как плакала каждую перемену втихаря в туалете вплоть до выпуска.

Надо ли говорить, какими злыми и жестокими бывают подростки и до чего хорошая у них бывает память?

— Полина Аркадьевна, не могли бы перейти к сути? Можете немного рассказать мне о семье Чакрацких. Какие у них отношения были между собой? Может, слышали чего, скандалы были, например, ссоры, крики... — я мастерски вышла из неловкого положения и настроила старушку на нужную мне волну.

Баба Поля очень быстро закивала, снова принялась креститься, но уже себя, и у неё сильно задрожали руки.

— Конечно, конечно, слышала... Всё слышала, внученька... Ох и греховодники-то старшие. Особенно Юлька, развратница... Мне прям и произносить это грешно...

— Произносить — что? — прищурилась я.

Кто знает, что для женщины её возраста грех. Покупка дорогой шубы? Алкоголь или, может, любовник?

Но внутри всё закипело от волнения. Мне необходима самая разрывная статья о гибели и семье Янины. Мне искренне жаль Чакрацких, но жалость и сочувствие не имеют ничего общего с работой.

Эх, журналистика — беспощадная же ты сука!

«Нель», убыточное место. Статьи про очередную выходку актёра мыльных сериалов и беспредельщика-рокера в одном лице Умерова давно не приносили желанных охватов. А мне очень хотелось охватов.

Думаете, кто-то знает меня как журналистку, которая пишет острый сюжет по реальным событиям? Нет, даже недавний скандал с моим Умеровым, когда тот подал на меня в суд, не стал поводом для популярности.

Поэтому мне во что бы то ни стало нужна статья. И очень-очень мощная статья, практически компромат на богемную семейку, которая будто сошла с обложек глянцевого журналов и тут же вляпалась в историю смерти, так папахивающую криминалом...

Готова на всё.

НА ВСЁ.

Даже раскрутить богобоязливую старуху.

— Полина Аркадьевна, прошу вас... — я с осторожностью коснулась её руки и твёрдо произнесла:

— Понимаю, вы напуганы, но если вы хотите, чтобы виновные понесли заслуженное наказание, мне нужно знать всё, пожалуйста... И тогда я могу дать вам честное слово, что сделаю всё для того, чтобы справедливость восторжествовала.

Старушка глянула с опаской, но в итоге сдалась.

— Ох, ох, слышала... Чуть сердце не остановилось, ей-богу. Спала она с мальчиком... Грех-то какой! Ой-ёй...

— С каким мальчиком? О ком вы говорите? О Янине?

Полина Аркадьевна отрицательно качнула головой и хму-ро отрезала:

— О Юльке говорю. О непутёвой матери Яночки. В связь она с Генкой вступила. Они, как там говорилось в программе, — давай-ка вспомнить... — прелюбодеи, о!

Находясь в шоке от данной мне информации, я с трудом складывала мысли в предложения. Но почему Юнона и Гена прелюбодеяями-то оказались?

Да, у Юноны есть муж, но Геннадий — её сын, а это за гранью измены и короткой интрижки на стороне. Что-то в этой истории не давало мне покоя, и я судорожно попыталась вспомнить полную биографию семьи. Помню, Полтав-

цев что-то говорил мне в редакции напоследок:

«Не забудь задать вопросы о... Ромео, о Джульетте...»

Только вот как история о преступлении со стороны женщины связана с шекспировской трагедией?

— Погодите, вы хотите сказать, что она спала с собственным сыном? Какой кошмар!

Аквамариновые глаза расширились, и бабушка уставилась на меня в полном непонимании происходящего.

— Чого-чого? Так они и не родственники, деточка. Говорю же тебе, прелюбодеи, изменники... Грех взяла она большой на свою и так тёмную душонку, что с приёмьшем связалась... Да только тут уж

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.